

Ло Цинь громко рассмеялся, держа в левой руке жареное мясо, а в правой — вино Дукан, заедая мясом вино и наслаждаясь каждым глотком. — Именно так! Говорят, ешь большими кусками, пей из больших чаш. Слишком уж церемониться — только удовольствие портить!

Гу Хуайцин, привыкший к изысканным придворным манерам, всегда следил за изяществом движений и своей репутацией. Но, видя, как непринуждённо и прямо ведут себя гвардейцы в парчовых халатах, он тоже сбросил оковы приличий и, следуя их примеру, принялся грызть заячью ногу. И правда — так есть оказалось куда вкуснее и сытнее.

Гао Лу и Тан Цзинвэнь, прежде относившиеся к Гу Хуайцину с недоверием, увидев, как тот без чинов ест и пьёт с ними за одним столом, прониклись к нему симпатией.

Пятеро мужчин ели и пили от души, пока животы не стали круглыми. Насытившись мясом, они перешли к играм на выпивку.

Гу Хуайцин в этом не преуспел и проиграл несколько раз подряд, изрядно хлебнув вина. К счастью, Дуань Минчэнь стал потом ему поддаваться и пить за него, так что Гу Хуайцин окончательно не опьянел.

После трёх кругов вина атмосфера стала совсем тёплой, и, неизвестно как, гвардейцы заговорили о делах. В обычное время они не стали бы обсуждать подобное при человеке из Восточной Ограды, но сегодня Гу Хуайцин сошёлся с компанией, да и выпили они уже достаточно, поэтому прежняя осторожность куда-то улетучилась.

— Кстати, а что там с той чжурчжэньской лазутчицей, которую мы поймали в прошлый раз? — спросил Ло Цинь с покрасневшим лицом и заплетающимся языком.

Тан Цзинвэнь ответил:

— Ты о той служанке, что внедрилась к Вдовствующей императрице? Крепкий оказался орешек, нечего сказать. Как и полагается смертнице, обученной чжурчжэнями. Сколько я ни пытал её — всё выдерживала, ни в чём не признавалась.

Гао Лу и Тан Цзинвэнь представляли собой пару: один — стратег с глубоким и непостижимым умом, другой — один из самых грозных следователей Гвардии, жестокий и искусный в пытках. Попавшие к нему узники молили о смерти как о милости.

Ло Цинь удивлённо приподнял бровь:

— Женщина, и такая стойкая? Даже девяносто девять видов пыток брата Тана не сломили её? Но как же тогда закрыть дело и отчитаться перед Вдовствующей императрицей?

Тан Цзинвэнь лишь рассмеялся, не выказывая ни тени беспокойства, и отмахнулся:

— Не тревожься. Вчера преступница уже дала признательные показания и поставила отпечаток пальца.

— Так что же вы с ней сделали, что она сдалась? — не удержался Гу Хуайцин.

Тан Цзинвэнь взглянул на Гао Лу:

— Спроси лучше у брата Гао. Это он придумал способ — без жестоких пыток заставил ту шпионку охотно всё выложить.

Все взоры устремились на Гао Лу. Тот неторопливо улыбнулся и сказал:

— Возможно, вы не поверите, но заставило её признаться не что иное, как крыса.

— Крыса? — хором воскликнули остальные.

— Самые обычные серые крысы, — Гао Лу показал размер жестом, с гордостью продолжая. — Пыток она не боялась, но до смерти боялась крыс. Я всего-то и сделал, что запустил в её камеру несколько крыс — и она тут же сломалась. Выложила всё, что знала, и даже то, что не знала!

Ло Цинь с недоверием покачал головой:

— Пытки не страшны, а крыс боится... Странная женщина!

— Ничего странного, — внезапно вступил в разговор до того молчавший Дуань Минчэнь. — У каждого есть слабость. Стоит попасть в неё — и человек рассыпается, как картонный домик.

Присутствующие задумчиво обдумывали его слова.

Гу Хуайцин, глядя на суровый профиль Дуань Минчэня, почувствовал внутри лёгкий холодок и невольно высказал вслух:

— Гвардия и вправду впечатляет. Даже в человеческой психологии разбираетесь до тонкостей. Неужели в этом мире есть дела, которые вы не в силах раскрыть?

Дуань Минчэнь, перебирая пальцами край винной чаши, спокойно ответил:

— Разумеется, есть, и немало. Много нераскрытых дел, где мы уже вычислили характер и приметы преступника, но поймать его так и не можем.

— А-а, знаю! — воскликнул Ло Цинь. — Брат, наверное, имеешь в виду «Охотника за нефритами»?

Охотник за нефритами? Что ещё за диковина? Гу Хуайцин смотрел на Ло Циня в полном недоумении.

Выпив лишнего, Гу Хуайцин раскраснелся, глаза его заблестели влажным блеском, а губы стали алыми, отчего красота его стала почти неестественной, демонической. Ло Цинь, поймав на себе этот водянистый взгляд, почувствовал, как сердце ёкнуло, а дыхание сбилось.

Он поспешно отвел глаза, сдавленно кашлянув для приличия, и принялся объяснять:

— Дело это весьма странное. Началось лет пять назад — примерно раз в полгода находили убитых студентов...

Гу Хуайцин удивлённо расширил глаза:

— Погоди, ты говоришь, все жертвы были студентами? То есть... мужчинами?

— Именно. Поскольку он выбирал в жертвы мужчин, мы и прозвали его «Охотником за нефритами». Личность его призрачна, появляется он неведомо где и когда — то в Цзяннани совершит преступление, то на северо-востоке. Что это один и тот же преступник, мы судим по выбору жертв — все они красивые юноши шестнадцати-двадцати лет, да и способ преступления

схож.

— Последний случай произошёл два года назад. Жертвой стал Сяо Юнь, единственный сын князя Чжуншаня. Всего семнадцать лет от роду, невероятно одарённый и красивый. Как-то раз он отправился с друзьями встречать весну за городом — и бесследно исчез. Через несколько дней его тело нашли в заброшенном храме. На нём были следы насилия, очень похожие на те, что оставались на предыдущих жертвах.

— Князь Чжуншань, уже перешагнувший полувековой рубеж, имел лишь этого единственного сына. Убитый горем, он не поскупился на щедрую награду и отправил на поиски преступника всех своих дворцовых стражников-смертников. Его Величество также придал делу большое значение и поручил его Гвардии. Командир Лю выслал конный отряд для расследования, но злодей оказался необычайно хитер. Несколько раз мы были в шаге от поимки, но он ускользал. В последний раз его видели у заставы Юймэнь, но с тех пор следы его затерялись, и дело до сих пор висит в воздухе.

Лицо Дуань Минчэня стало серьёзным, и он добавил:

— Умение снова и снова выходить сухим из воды, не оставляя следов, говорит о расчётливом уме и богатом опыте. Он мастерски скрывается и меняет облик, боевые искусства у него тоже на уровне, особенно выделяется лёгкость шага. Поскольку жертвы его — юноши, можно предположить склонность к мужскому полу. А по жестокости, с которой он убивает, — что это крепкий, сильный мужчина. Жаль... сколько ни анализируй, сколько ни ищи, а поймать не можем — всё бесполезно.

Гао Лу, будучи старше и рассудительнее, произнёс:

— Подобных нераскрытых дел в архивах Гвардии немало. Не то чтобы мы были неспособны, но странных преступлений в Поднебесной бесчисленное множество. Будь у нас хоть тысяча приёмов и десять тысяч уловок, а поговорка «Добродетель в фут, а зло в сажень» всё равно верна. Всегда найдётся горстка злодеев, что гуляют на свободе.

Воцарилось молчание. Гу Хуайцин поднял глаза на ясную луну и с лёгкой горечью произнёс:

— Разве может в мире всё быть совершенно? Даже луна знает ущерб и полноту. Мужчине, стоящему в этом мире, достаточно прожить жизнь с чистой совестью — и только!

— Хорошо сказано! — хором поддержали гвардейцы, все как один пленённые пылом и станом Гу Хуайцина, на миг забыв, что перед ними — евнух.

Гу Хуайцин, закинув голову, рассмеялся, встал, сорвал с куста бамбуковую ветвь и, поддавшись хмельному веселью, пустился в пляс с мечом. Пусть в руке у него была лишь ветка — движения её были подобны возвращающемуся ветру и кружащемуся снегу, а меч рассекал воздух во всех направлениях.

Уголок губ Дуань Минчэня дрогнул в улыбке. Он вышел в комнату, взял нефритовую сяо и подхватил мечу Гу Хуайцина мелодию «Разбивающего строй».

Порывистая музыка и безудержный танец меча дополняли друг друга, опьяняя и завораживая, заставляя забыть о времени и месте, лишь сожалея, что прекрасный миг не может длиться вечно...

*****

Проснувшись с тяжёлого похмелья, Гу Хуайцин ощутил лишь тяжесть в голове и сухость во рту. Он уставился в незнакомый зелёный полог над кроватью, на миг опешив, а потом сообразил, что, кажется, вчера перебрал с вином и заночевал в доме Дуань Минчэня.

Гу Хуайцин сел, потрогал на себе нижнюю рубаху — та же, что и вчера. Повернув голову, он увидел, что верхняя одежда аккуратно сложена у изголовья, а рядом стоят тёплая вода для умывания и баночка с солью.

Вчерашний вечер выдался на славу — вино лилось рекой, мясо не кончалось, веселье затянулось далеко за полночь. Гао Лу и остальные трое, уже изрядно навеселе, покинули дом Дуаня, обнявшись и поддерживая друг друга.

Гу Хуайцин же опьянел настолько, что едва держался на ногах. Смутно помнилось, как кто-то перенёс его на мягкую постель, как нежный голос уговаривал его выпить какую-то горькую микстуру...

Гу Хуайцин с досадой стукнул себя по лбу. Какой позор! Надеялся, что в пьяном угаре не наговорил лишнего.

<http://bllate.org/book/16283/1467010>